

Выбежав из дома, Цзянь Мо замер: землю укрыл свежий снег. Ослепительная белизна заполнила всё пространство, и мир вокруг казался выбеленным до самого горизонта. Под ногами приятно похрустывало, но яркий свет нещадно резал глаза. В отличие от звероловов и полувзвероловов, зрачки Цзянь Мо не могли мгновенно подстраиваться под резкую смену освещения. Прищурившись и стараясь не смотреть на искрящиеся сугробы, он поспешил в загон к тотто-зверям.

Эти существа были на редкость пугливы. В одном углу, тяжело дыша, устроилась рожающая самка, а в другом, забившись в солому, дрожал от ужаса самец — вид мучений подруги явно лишил его последних крох храбрости.

Осмотрев животных, Цзянь Мо лишь вздохнул и обернулся к У Цзюню:

— Уведи самца куда-нибудь в другое место. Если самка начнет кричать от боли, он от страха сам не свой будет, только панику наведет.

Глава племени молча кивнул и взялся за недоуздок:

— Заберу его в дом.

— Хорошо.

Околоплодные воды у самки уже отошли — они были чистыми и прозрачными, что говорило о нормальном течении процесса. Несмотря на учащенное дыхание и периодические сокращения мышц живота, состояние животного опасений не внушало. Как опытный ветеринар, Цзянь Мо знал: сейчас лучшее, что он может сделать — это просто быть рядом и не мешать. Животным требуется помощь человека лишь при осложнениях, в остальном же природа справлялась сама.

Вскоре вернулся У Цзюн, пристроивший перепуганного самца в тепле.

— Что еще нужно? — спросил он.

— Попробую развести здесь огонь, — попросил Цзянь Мо. — На улице мороз, боюсь, детеныши замерзнут в первые же минуты жизни.

У Цзюн не заставил себя ждать: он не только притащил жаровню с углями, но и приволок охапку сухой травы. Теперь самка лежала на мягкой теплой подстилке, а не на ледяном полу.

Пока Цзянь Мо был занят в загоне, вождь сам приготовил нехитрый завтрак. Перекусив на скорую руку, они продолжили дежурство. Вскоре после еды начались сами роды.

Первый детеныш был размером с маленького щенка: ярко-розовый, покрытый тонким полупрозрачным пушком, он зажмурил глазки и пронзительно запищал. Самка явно рожала не впервые — она тут же подтянула малыша к себе и принялась методично вылизывать его, очищая от слизи. Видя, что мать знает свое дело, юноша облегченно выдохнул. В условиях нехватки медикаментов его вмешательство могло только навредить.

Один за другим на свет появились шесть крохотных детенышей того-зверя. Все они были примерно одного размера — ни пугающе слабых, ни излишне крупных. Когда мать закончила их чистить и накормила первым молоком, она сделала то, что поразило Цзянь Мо: аккуратно подцепила каждого детеныша зубами и закинула себе на спину. В густой шерсти матери малышам было тепло и безопасно.

Убедившись, что всё прошло успешно, ветеринар вышел из загона. У Цзюнь тут же шагнул навстречу:

— Ну как?

— Всё в порядке. Если не случится ничего непредвиденного, все шестеро выживут.

Вытирая руки, Цзянь Мо поинтересовался состоянием другого подопечного:

— Ты кормил Крылатого зверя? Как он там на таком холоде?

Крылатый зверь был слишком велик для обычного хлева, поэтому его местом обитания оставалось раскидистое дерево неподалеку. В случае сильных гроз У Цзюнь уводил его в пещеру на окраине поселения.

— Поел с аппетитом, — успокоил его вождь. — Шкура у него толстая, мех плотный, так что мороз ему нипочем.

— Пойду всё же навещу его.

Когда Цзянь Мо подошел к дереву, Крылатый зверь с хрустом догрызал сочную кость. Кажется, от хорошего ухода он заметно прибавил в весе — бока округлились, а шкура лоснилась. Заметив доктора, зверь издал радостный клекот:

— Цзю-цзю!

Цзянь Мо похлопал его по массивному крупу:

— Грызи-грызи, вечером устрою тебе настоящий пир.

Зима только вступала в свои права, и дел в племени было невпроворот. Цзянь Мо вместе с У Цзюном отправился к реке за грязью. Смешав её с сухой травой, они принялись тщательно замазывать щели в каменных стенах дома — сначала снаружи, а затем изнутри. Только такая двойная защита могла уберечь жилище от ледяных сквозняков.

Работая, юноша замечал в пазах остатки старой, раскрошившейся обмазки. Он осторожно постучал по камню: сухая грязь была твердой, но время и ветер брали свое, заставляя ежегодно латать стены.

Они трудились до самых сумерек. Когда свет окончательно померк, продолжать работу стало невозможно. Вернувшись в дом, Цзянь Мо, как и обещал, приготовил Крылатому зверю целую бадью тушеного мяса, сдобрив его сушеной травой и кореньями из запасов племени. Тот, казалось, вовсе не замечал холода и уплетал угощение с великим удовольствием.

День выдался изматывающим. Проверив напоследок прибавление в семействе того-зверей и убедившись, что жаровня исправно дает тепло, Цзянь Мо поднялся к себе и провалился в глубокий сон без сновидений, даже не почувствовав ночной прохлады.

На следующее утро его встретил очередной снегопад. Сквозь щели в окнах мир казался ослепительно белым — даже под хмурым небом свет заливал всё вокруг. Ветер крепчал, принося с собой настоящую стужу. Теперь юноша без лишних слов облачался в тяжелую меховую одежду и подбитые мехом сапоги, перестав ворчать на их вес и специфический запах.

Первым делом он отправился в хлев. Самца уже вернули на место, и теперь он мирно лежал в углу, поглядывая на самку. Шестеро малышей, судя по всему, уже наелись и сладко спали, зарывшись в материнскую шерсть. Воздух в загоне был теплым и на удивление чистым.

Прибравшись и сменив подстилку, Цзянь Мо заметил, что угли в жаровне начинают гаснуть. Он собрался было за дровами, как вдруг его взгляд зацепился за одну странность. Дрова в огне были совсем не те, что он оставлял вчера. Доктор отчетливо помнил массивную суковатую ветку, которой должно было хватить надолго, но теперь её не было — значит, У Цзюн подменил её ночью.

Вытащив жаровню на улицу, чтобы очистить её от золы, Цзянь Мо окликнул вождя, хлопотавшего под навесом:

— Ты подкладывал дрова ночью?

— Да, в середине ночи огонь начал гаснуть, пришлось менять дважды, — отозвался тот.

— Дважды?! — поразился юноша.

У Цзюн кивнул:

— Эти дрова слишком быстро прогорают. Сегодня схожу в лес за твердой древесиной, её хватит на всю ночь.

Цзянь Мо не слишком разбирался в породах деревьев, но охотно вызвался:

— Я с тобой.

— Холодно на улице, сиди дома, — отрезал собеседник.

После завтрака вождь в компании охотников ушел в лес. Цзянь Мо же отправился к остальным полузверолодам на площадь. Ему хотелось пустить в дело ткань, выменянную на Охотничьем Турнире, а другие в это время пряли нити и чинили меховую одежду. Вместе, за разговорами у костра, работа спорилась быстрее.

К середине дня вернулись охотники, неся на спинах в зверином обличье огромные, тяжелые бревна. Цзянь Мо подошел ближе: эта древесина и впрямь выглядела иначе — плотнее и тяжелее обычной. Он также заметил, что оба каменных топора, которые У Цзюнь брал с собой, превратились в бесполезные осколки.

Бань Мин, поймав его взгляд, вздохнул:

— Старые были, вот и не выдержали. Если бы не топоры, мы бы вдвое больше притащили.

— Спасибо вам за труды, — искренне поблагодарил Цзянь Мо.

Бань Мин потер челюсть:

— Да ладно... Просто дерево такое твердое, что топоры его не берут. Я в какой-то момент психанул, начал зубами грызть — теперь челюсть так ноет, что вечером мясо жевать не смогу.

Цин Ко шутливо хлопнул его по плечу:

— Не ной. Кто тебя просил зубами работать? Будет тебе урок.

— Ну, пап! — Бань Мин приобнял отца за плечи. — Приготовь на ужин пирожные из мучного фрукта, а то я с голоду помру.

Цзянь Мо невольно посмотрел на У Цзюня. Тот, уже сменив облик и накинув набедренную повязку, коротко бросил:

— Я не грыз.

— А... ну да, конечно!

— Пойду смою грязь, потом займусь этими бревнами, — вождь взял кусок мыла и направился к выходу.

— Стой! — пораженно окликнул его Цзянь Мо. — На улице снег валит, ты что, в реку собрался?

— Мы всегда так моемся, — пожал плечами У Цзюн. — Нам не привыкать.

— Да как бы вы ни привыкли, вода сейчас ледяная! — Юноша даже представить не мог, как можно добровольно лезть в реку в такой мороз. Ему было жаль даже обычную собаку, не то что вождя. Он схватил его за руку: — Давай лучше нагреем воды. Так и отмоешься лучше, и не простудишься.

Собеседник хотел было возразить, но Цзянь Мо, предвидя отказ, быстро добавил:

— Мне тоже нужно помыться. Два дня уже в загоне провел, весь пропах того-зверями.

Против этого аргумента У Цзюн устоять не смог:

— Хорошо, я принесу воды.

К тому времени, как они закончили с мытьем и уселись у очага, на мир опустилась глухая ночь. Отблески пламени играли на лице Цзянь Мо, подчеркивая его задумчивость. Вождь, присевший рядом, спросил:

— О чем думаешь?

— О древесном угле, — отозвался юноша.

У Цзюн уже слышал это слово раньше, но значения не знал:

— И что это такое?

— Это... ну, представь черные головешки, которые остаются после костра, только особенные, — Цзянь Мо попытался подобрать слова. — Если выжечь из дерева всё лишнее, останется чистый древесный уголь. Он горит гораздо жарче и дольше обычных дров. Полезная штука.

Он вытер мокрые волосы и добавил:

— Если у нас будет уголь, тебе не придется вскакивать среди ночи, чтобы подбросить дров зверям.

— Мне не трудно, — мягко возразил собеседник. — Я привык.

— Всё равно это утомительно. И вспомни нашу посуду, — юноша замолчал на мгновение. — Нам не хватает жара. Обычный костер недостаточно горячий, поэтому горшки выходят хрупкими и пористыми. С хорошим углем мы могли бы поднять температуру в печи. Тогда и посуда станет крепче, и течь перестанет.

У Цзюнь задумался:

— Значит, сначала жжем уголь, а потом — посуду.

— Именно. Зимой дел немного, самое время для экспериментов. И сырье у нас теперь есть — те самые твердые деревья, что вы принесли.

— Но они сырые, — напомнил вождь. — Их сначала просушить надо.

— А для угля как раз и нужна свежая древесина, сухая прогорит слишком быстро, — пояснил Цзянь Мо.

Видя его решимость, У Цзюнь отправился на совет к Цин Ко. Тот, выслушав объяснения, загорелся идеей:

— Звучит многообещающе. Я велю всем участникам держать язык за зубами, и ты своим скажи, чтобы не болтали лишнего другим племенам.

— Договорились.

Цин Ко был воодушевлен:

— Завтра же расспрошу Цзянь Мо о подробностях. Чем раньше начнем, тем лучше.

Сам юноша знал технологию лишь в общих чертах: суть заключалась в томлении дерева при ограниченном доступе кислорода. Когда на следующее утро пришел глава полужверолов, Цзянь Мо пояснил:

— Принцип как при обжиге горшков. Нужно сложить дрова, обмазать их глиной, но оставить совсем крошечные отверстия для воздуха. Дерево должно не сгореть, а обуглиться. И важно вовремя потушить огонь, пока всё не превратилось в пепел.

— Потушить? — уточнил собеседник. — Залить водой?

— Наверное... Давайте попробуем сначала водой. Если не выйдет — придумаем что-нибудь еще.

— Тогда начинаем сегодня же!

— Нет-нет! — Цзянь Мо не ожидал такой прыти. — Сначала нужно заготовить твердую древесину — уголь из неё выйдет лучше. И пока будем жечь уголь, подготовим новую партию посуды. Хочу проверить теорию с высокой температурой.

— Неужели старые горшки совсем плохи? — засомневался мастер.

— Просто они могут быть гораздо лучше, — уклончиво ответил ветеринар.

— Ладно. Тогда мы займемся лепкой, а зверолюды пусть идут за деревом.

Во второй раз лепка далась Цзянь Мо куда легче. Его движения стали уверенными, а изделия — более аккуратными. Чжоу Фу, наблюдавший за его работой, восхищенно цокнул языком:

— У тебя талант, Цзянь Мо. После твоих рук даже поправлять ничего не надо.

— Просто глина в этот раз удачная, — улыбнулся юноша.

— Это точно, ил сегодня отменный. Постой... а это что за штукovina? Выглядит странно.

Цзянь Мо с гордостью продемонстрировал заготовку:

— Это мелкий глиняный горшок.

Чжоу Фу недоуменно моргнул:

— И для чего он?

— Сказано же — горшок, — вмешался Цин Ко. — Значит, для готовки.

Все знали, что Цзянь Мо — мастер кулинарных изысков, поэтому спорить не стали. Соплеменников лишь смутило, что края у посуды слишком низкие — много еды туда не положишь, да и жир будет брызгать во все стороны. Но юноша, старательно заглаживая стенки, лишь отмахнулся:

— Всё в порядке, я знаю, что делаю.

Тем временем охотники вернулись с новой партией бревен. На этот раз каменных топоров погибло еще больше, но результат того стоил: на площади высилась гора отличной твердой древесины. Цзянь Мо руководил процессом: бревна распилили на ровные чурбаки, и работа закипела.

Все заметно нервничали. Люди боялись, что затея провалится и драгоценная древесина просто превратится в кучу пепла. Юноша и сам переживал, но старался сохранять невозмутимый вид, подбадривая соратников.

Под его руководством дрова сложили плотной кучей и обмазали толстым слоем глины, придав кургану форму полусферы. В этот раз оставили всего два крошечных отверстия — у основания и в куполе, чтобы тяга была минимальной.

В основание заложили сухую растопку. Когда огонь занялся, из верхнего отверстия повалил густой черный дым. Процесс пошел.

— Сколько ждать? — спросил Цин Ко.

— Точно не знаю, — Цзянь Мо покачал головой. — Буду дежурить здесь. Думаю, я пойму, когда придет время.

— Я останусь с тобой.

— Не нужно, я и сам справлюсь, — попытался возразить юноша.

— Дел всё равно нет, — отмахнулся глава полужверолов. — Принесу нитки, посижу, попряду. Здесь тепло.

Доктор задумался:

— Тогда и я принесу свою ткань. У печи и впрямь уютно.

Поскольку дым уходил вверх, рядом с печью дышалось легко. В морозный ветреный день сидеть в защищенном от ветра месте, греясь от пышущего жаром купола, было истинным удовольствием. Постепенно к ним подтянулось полплемени. И звероловы, и полужвероловы уселись вокруг, кто с прялкой, кто с иглой.

Печь мерно гудела, из отверстия струился сизый дымок. Цзянь Мо, не имея опыта, не сводил глаз с кургана, а Цин Ко и остальные обещали помочь своим чутьем.

К вечеру Цин Ко внезапно поднялся:

— Кажется, готово.

Цзянь Мо с сомнением посмотрел на печь:

— Уже?

Собеседник уверенно кивнул:

— Носом чувствую. Запах изменился.

— Прямо вот так, по запаху? — удивился юноша.

— Конечно! — влез нетерпеливый Чжоу Фу. — Я тоже чую. Дым пахнет иначе.

Для верности Чжоу Фу на мгновение принял звериный облик, принюхался и подтвердил:

— Влаги в нем больше нет. Сухой дух пошел.

Цзянь Мо тоже принюхался, но для его человеческого обоняния дым оставался просто дымом. Он всё еще колебался.

— Seriously, — настаивал Чжоу Фу. — Я каждый день у очага стою. Сырые дрова и сухие пахнут по-разному. Сейчас «сырости» в дыму нет.

Цзянь Мо решил довериться инстинктам друзей:

— Хорошо, тушим.

Чжоу Фу засучил рукава:

— Прямо внутрь воду лить?

— Лей. Жара внутри много, лишняя вода быстро испарится, ничего страшного.

Цзянь Мо сам взялся за ведро и начал осторожно вливать воду в верхнее отверстие. Печь отозвалась яростным шипением и клубами пара, но, к общему облегчению, выдержала. Глядя на затихающий курган, юноша подумал, что в будущем им стоит построить настоящий

стационарный горн — такой, какие он видел во время путешествий.

Когда пар перестал валить из отверстий, Цин Ко спросил:

— И что теперь? Просто ждать?

— Да. Завтра утром вскроем, как обычную печь.

Цзянь Мо отправился домой. Первым делом он навестил того-зверей. Самка и малыши чувствовали себя прекрасно, но до заветного молока было еще далеко. Оно предназначалось детенышам, и если он заберет его сейчас, малыши погибнут. Придется подождать хотя бы месяц, пока они не окрепнут.

Вернувшийся У Цзюнь застал его в загоне:

— Как дела с углем?

— Пока неясно. Утром вскроем — увидим. Пойдешь со мной?

— Конечно. Встану пораньше.

Древесный уголь был для племени диковинкой. У Цзюнь и Цин Ко готовы были поддержать любую затею доктора, но нашлись и скептики. Кое кто шептался: мол, зачем столько мороки, если угли и так остаются в костре? Однако авторитет Цзянь Мо был велик, и вслух возражать никто не решался.

Утром у печи собралась внушительная толпа зевак. Юноша уже привык к такому вниманию и не обращал на него внимания. Он вместе с У Цзюнем дождался Цин Ко и Дэ Цзяна.

— Ну, начнем, — скомандовал ветеринар, обведя взглядом присутствующих.

— Я сам, — вызвался Цин Ко. — Уж очень хочется взглянуть, что там внутри. Если всё сгорело — в следующий раз потушим раньше.

Цзянь Мо лишь загадочно улыбнулся:

— Не сгорит.

Работа закипела. Слой глины быстро разбили, и из-под него показались иссиня-черные бруски. Уголь сохранил форму чурбаков, заложенных вчера, но его поверхность стала гладкой, почти зеркальной, с легким металлическим блеском. Это не было похоже ни на обычное дерево, ни

на головешки из костра.

Цин Ко поднял один из брусков. Уголь оказался удивительно тяжелым — пожалуй, тяжелее сырого дерева. Когда мастер несильно стукнул две уголины друг о друга, раздался чистый, звонкий звук, словно столкнулись два камня.

— Как такое возможно? — выдохнул он.

Цзянь Мо с гордостью выпрямился:

— Это настоящий, качественный древесный уголь. Наш эксперимент удался.

— Невероятно... — старик не мог оторвать взгляда от черного слитка. — Столько лет жгу дрова, а такое вижу впервые. Говоришь, он жаркий?

— Очень.

Чжоу Фу, протиснувшийся вперед, восторженно воскликнул:

— Значит, теперь мы сможем обжечь те самые особенные горшки?!

— Уверен, что сможем, — кивнул Цзянь Мо.

<http://bllate.org/book/15825/1434898>